

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 289

Декабрь

2005

Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология»

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

ISSN: печатный вариант – 1561-7793; электронный вариант – 1561-803X от 20 апреля 1999 г.
Международного центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

МЕМУАРЫ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ПЕРСОНАЛИИ

Борису Георгиевичу Могильницкому 75 лет 3

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Гаман Л.А. Советская история в изображении Ф.А. Степуна: к постановке вопроса 6
Горбунова Ю.Ф. Изучение личности и государственной деятельности императора Николая II
в современной отечественной историографии: реальность и перспективы 14
Гумерова Ж.А. Идеал святости на Руси у Г.П. Федотова 32
Жеравина А.Н. Исследования 80–90-х гг. XX в. по истории кабинетского хозяйства в Сибири (1747–1861 гг.) 39
Коктыш В.А. Г.В. Вернадский о монгольском завоевании в русской истории 51
Турнаев В.И. Положение иностранных учёных в послепетровской России 55
Турнаев В.И. Немецкие учёные в послепетровской России: встреча с действительностью 65
Тюменцев Ю.А. Образ христианского историзма в раннем творчестве Г.В. Флоровского 73
Хазанов О.Б. Еврейское национальное самосознание эпохи модернизации в свете научного
и религиозного подходов 93
Чуркин М.К. Проблема роли природно-географического фактора в русской истории в оценках
отечественной историографии и общественно-политической мысли второй половины XIX–XX в. 108
Ширко К.Н. Исторический процесс в интерпретации Н.А. Бердяева: диалектика божественного и человеческого 113
Яблоков И.А. Мифологический образ Е.П. Блаватской в контексте концепции мифа А.Ф. Лосева 121

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Мауль В.Я. Методологические проблемы междисциплинарного изучения
русского бунта: достоинства и недостатки 125
Мауль В.Я. Русский бунт как форма культурной идентификации переходной эпохи 144

ИСТОРИЯ ТГУ И ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

Жеравина А.Н. «Отечеству и науке» – девиз университетских студентов дореволюционного Томска 158
Петрик В.В. Система управления высшей школой в конце 50-х – начале 90-х годов XX века
(на примере вузов сибирского региона) 168
Черказьянова И.В. Попечитель учебного округа Л.И. Лаврентьев и Томский университет:
сотрудничество и конфликты 177

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Соколов В.Ю. Основания расширения понятия «содержание образования»
в курсе «Методика преподавания истории в школе» 188
Тимошенко А.Г., Логутова Н.Б. Болонский процесс. Основные задачи и действия по их реализации 193

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 199

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НААНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 201

«УВЛЕЧЕНИЕ» – ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Образ Вечности на земле (Иерей Андрей Носков); О мечети, синагоге и других томских храмах (Н.М. Дмитриенко)

FEDERAL AGENCY OF EDUCATION
VESTNIC TOMSK STATE UNIVERSITY
GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 289

December

2005

Series «History. Study of local lore. Ethnology. Archaeology»

Certification of registration: printed version № 018694, electronic version № 018693
Issued by Russian Federation state committee for publishing and printing on April, 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
on April, 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

CONTENTS

HISTORIOGRAHY. SOURCE STUDY

Gaman L.A. Soviet history in interpretation of F.A. Stepanov: to the formulation of the question	6
Gorbunova Y.F. The investigation of emperor's Nicolas II personality and his state activity in modern Russian historiography: reality and prospects.	14
Gumerova Z.A. The ideal of sanctity in Fedotov's works	32
Zheravina A.N. Studies of the 80-th – 90-th years of the 20-th century devoted to the history of cabinet economy in Siberia	39
Koktysh V.A. George Vernadski about the Mongolian conquest in the Russian history	51
Turnaev V.I. The standing of foreign scientists in the post Peter the First's period	55
Turnaev V.I. German scientists in the post Peter the First's Russia: the meeting with the reality	65
Tyumentsev Yu.A. Christian vision of history in early works of G.V. Florovsky.	73
Khazanov O.V. The Jewish national consciousness in epoch of modernization from the standpoint of the scientific and religious approaches.	93
Churko M.K. Peculiarities of the agricultural crisis in the provinces of Russia, and possible ways of its overcoming in the second part XIX – beginning XX centuries.	108
Shyrko K.N. Historical process in N.A. Berdyaev's interpretation: dialectics divine and human v	113
Yablokov I.A. Mythological character of H.P. Blavatskaya in the context of the concept of A.F. Lose	121

RUSSIAN HISTORY

Maul V.J. Methodological problems of inter-disciplinary study of Russian riot: merits and demerits	125
Maul V.J. Russian riot, as the form of cultural identification of the transitional epoch	144

THE HISTORY OF THE TSU AND EDUCATION IN SIBERIA

Zheravina A.N. «To Country and science» – the slogan of the university students of the pre-revolutionary Tomsk	158
Petrik V.V. the system of higher school management at the end of the 50 ^s – the beginning of the 90 ^s of the XX th century (illustrated by the examples of higher schools of Siberian region)	168
Cherkazianova I.V. The curator of the West Siberian School District L.I. Lavrentev and the University of Tomsk: cooperation and conflict	177

PROBLEMS OF EDUCATION

Sokolov V.Yu. The problems of construction the course «Methods of the teaching history in a school»	188
Timoshenko A.G., Logutova N.B. Bologna declaration. principal topics and action in the process of fulfillment	193

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTORS.	199
--	-----

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH.	201
--	-----

«UVLECHENIE» – A MAGAZINE IN JOURNAL

Г.В. ВЕРНАДСКИЙ О МЕСТЕ МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

В статье освещаются суждения Г.В. Вернадского, касающиеся развития русской цивилизации под влиянием монгольского завоевания. Раскрывается суть концепции историка, его неординарные взгляды на формирование российской государственности, которые основаны на осмыслении истории с точки зрения евразийства.

Тема отечественной истории занимала центральное место в общетеоретических построениях евразийцев. С нее начинались и ей заканчивались все их суждения о евразийской природе русской культуры. В русской истории отыскивали они ключ к объяснению своеобразия отечественной культуры, ее евразийского содержания. В прошлом черпали они смысл своего видения настоящего и будущего страны [1. С. 116].

Г.В. Вернадский взял на себя миссию разработать историческую часть евразийской концепции. Для него в евразийстве открылась новая возможность: в впервые вводимых Н.С. Трубецким, П.Н. Савицким идеях и терминах, таких, как, например, «месторазвитие», проявлялся оригинальный взгляд на историю России, в котором можно найти, помимо истории, следы географии, лингвистики, геополитики, этнографии. Последнее обстоятельство кажется особо примечательным и открывает путь к пониманию истинного масштаба притязаний историка. Идея взаимосвязи природы и общества как главного двигателя исторического процесса легла в основу его концепции. По Вернадскому, своеобразии национального развития русского народа было обусловлено саморазвитием социального организма и влиянием на общество природно-географических факторов [2. С. 25]. Исходя из этого, одним из синтезирующих начал в изучении русской истории можно признать обоснование географического вектора евразийской истории. Вернадский сформулировал закон соотношения исторического времени и пространства, который гласил: «... социальное явление для данной местности изменяется во времени. Для данного времени социальное явление различно при перемене пространства... 1000 верст на север или восток от социального центра могут иметь для исследователя такое же значение, как 100 лет вглубь времен». Вернадский видел одну из важнейших причин своеобразия истории России в том, что это история «общества, занявшего огромное пространство» [2. С. 22].

XIII–XIV столетия – это время ордынского владычества в Восточной Европе. Батыево разорение, набеги монголо-татар, утрата государственной независимости, разрыв традиционных хозяйственных связей – всё это негативно сказалось на развитии русских земель. Однако и под властью Золотой Орды сохранялись некоторые привычные формы политической и церковной жизни, способствовавшие сохранению русского этноса как субъекта исторического процесса. По мнению Вернадского, «монгольский период – одна из наиболее значимых эпох во всей русской истории» [3. С. 5].

Эти события, традиционно квалифицируемые отечественной историографией как «киго», имеют важнейшее значение для понимания специфики складывания национального российского государства. Именно благодаря

специфической (с точки зрения традиционной российской историографии от Н.М. Карамзина до В.О. Ключевского) интерпретации влияния монгольского завоевания русских земель и сделало себе имя историческое учение 1920-х гг., известное как евразийство. Его крупнейший представитель в сфере собственно историографии Г.В. Вернадский развил концепцию Н.С. Трубецкого о так называемом «монголофильстве». Этот момент в евразийской практике всегда подвергался особой критике.

В настоящей работе я остановлюсь лишь на одном моменте, связанном с русской историей и имеющем прямое отношение к пониманию исторической концепции Г.В. Вернадского. Однако следует оговориться, что историческая концепция Вернадского не тождественна в полной мере евразийской. Она шире, пластичнее, свободна от присущих евразийству крайностей. Вполне заслуженный авторитет Вернадского определяется в первую очередь именно тем обстоятельством, что ему удалось подходить к обсуждению актуальных проблем в освещении русской истории с точки зрения неортодоксального евразийства, а в своих концептуальных построениях учитывать новейшие научные тенденции.

«Мировая история, – справедливо писал Вернадский, – понятие гораздо более широкое, чем история европейская». Между тем «у нас создавалась искривленная историческая схема мировой истории. Германо-романская Европа нам представляется основным стержнем исторического процесса, что связано главным образом с бурным ростом “культуры в XV–XIX веках”, в частности с развитием “естествознания и техники, промышленности военной и политической жизни”, а это обстоятельство – «явление временное» [4. С. 160]. В противовес европоцентристскому взгляду историк стремился наметить цивилизационный подход, учитывающий не только географические, но и связанные с ними культурно-исторические условия.

«Связующими началами» цивилизаций Вернадский считал политическое и духовное единство составляющих тот или иной «мир» народов (позже этот термин был заменен понятием «месторазвитие»). Мировая история представлена историком в статье как изменение многоуровневой системы с разнонаправленным движением. Кочевые народы, волнами накатывавшиеся из черноморских степей и глубин континента, часто оказывались посредниками между цивилизациями. Тем самым кочевники как бы инициировали процессы объединения народов. Однако прочность таким объединениям придавал лишь духовный элемент. Для Вернадского это прежде всего распространение христианства, шедшее в обратном движении степняков направлении.

Русская цивилизация, отмечал автор, питалась, с одной стороны, византийской культурой, а с другой – культурой степных кочевников, от неё «мы получили одежду

и оружие, песнь и сказку, воинский строй и образ мыслей» [2. С. 33].

После того как мировая империя Византии в начале XIII в. была разрушена крестоносцами-латинянами (1204 г.), русская земля попала в систему другой империи – Монгольской, причем «круг земель, охваченных монгольской саблей, был значительно шире того, который очерчен был ранее римским мечом». В результате русские земли в политическом отношении оказались частью огромного мира, простиравшегося от Тихого океана до Средиземного моря. Русские военные отряды ходили с татарскими царями далеко за Дон и даже участвовали в войсках Хубилая в завоевании Южного Китая во второй половине XIII в.

Культурное слияние могло быть полным в случае, когда монголы принимали веру большинства местного населения (буддизм – в Китае, мусульманство – в Персии). Здесь важным с конкретно-исторической точки зрения является понятие «мировых империй», которое вводилось Вернадским для характеристики только политических образований, объединяющих разнородные цивилизации. Таким образом, Монгольская и Византийская империи были мировыми именно потому, что обеспечивали взаимодействие земледельческой и кочевнической культуры. Другие империи (например, «Священная Римская империя германской нации») имели провинциальное (или маргинальное) значение. Определение монгольской империи как мировой позволяло, по мнению Вернадского, по-новому взглянуть на значение монгольского ига в русской истории. Включение восточно-русских земель в ее состав означало перемещение их из маргинального положения, которое они занимали в системе взаимоотношений с Византией, в самую стремнину «исторического потока».

Другой важный с евразийской точки зрения момент – это взгляд на ход исторического процесса извне, а не изнутри. Возможность такого видения создается признанием нескольких центров, существующих в рамках даже одной мировой империи. Последнее особенно легко было проследить в Монгольской империи, являвшей собой многоярусный конгломерат политических образований. Так, Джучиев улус являлся одним из центров владений Великого хана, но он имел, в свою очередь, несколько центров, одним из которых являлась русская земля. В этом проявлялся альтернативный, по Вернадскому, характер исторического процесса, так как существовало двоецентрие: Сарай и Москва.

Именно поэтому Вернадский полагал, что «если бы монгольские ханы, потомки Джучи, приняли православие, то, вероятно, не Москва, а Сарай оказался бы духовным и культурным центром русской земли» [3. С. 392].

Главное в концепции Г.В. Вернадского не перестановка знаков в оценке роли монгольского ига с «минуса» на «плюс», а изменение видения плоскости проблемы. Причем в основу были положены логически непротиворечивые принципы рассмотрения материала, которые хотя и не были выражены эксплицитно, но легко реконструируются. В обобщенном виде их можно сформулировать следующим образом.

Изучение мировой истории выйдет за рамки европоцентристского видения при условии ее рассмотрения через:

- взаимодействие земледельческих и кочевых степных цивилизаций;
- соотношение политических влияний, объединяющих цивилизации «мировых империй» с асимметричными центрами;
- распространение укрепляющих единство мировых религий;
- возможные альтернативы направлений движения исторического процесса.

Если учесть время создания работы (статья «Монгольское иго в русской истории» появилась в 1925 г.), то не лишне будет вспомнить К. Ясперса с его выделением «осевого времени» в связи с возникновением и распространением христианства и А. Тойнби с его идеей взаимоотношений цивилизаций. Так что уровень проекта Вернадского вполне соответствовал требованиям времени. Признание же различных возможностей исторического развития намного опережало идею «открытого общества» К. Поппера. Правда, в данной статье не хватало исторических деятелей, но их трудно было поместить на столь масштабное полотно, они бы просто потерялись. Эскиз полотна всеобщей истории требовал разработки, может быть, изменения сюжета, несомненно, включения персонажей. Все это было сделано Вернадским позже, когда он уехал в Америку.

В 1943 г. первый том (из задуманных десяти) «A History of Russia» вышел из печати. Он был посвящен древней истории России. Каждый последующий том выходил с интервалом примерно в пять лет и являлся новаторской работой, содержащей оригинальные концепции целых периодов русской истории. К числу научных заслуг Г.В. Вернадского относится разработка в этих книгах ряда важнейших проблем, касающихся характера Киевского государства, влияния монголов на русскую государственность в последующие столетия, изучение объединительного процесса как вокруг Московского княжества, так и вокруг Великого княжества Литовского и Русского. Монголы способствовали формальному объединению русских княжеств сначала непосредственно, а после распада Золотой Орды – под руководством московских князей.

Монгольский период – одна из наиболее значимых и загадочных эпох в русской истории. Монгольская орда нанесла первое поражение Руси в 1223 г., а в 1237–1240 гг. прошла почти по всей ее территории огнем и мечом. Монголы владычествовали по всей Руси около столетия и даже после ограничения их власти в Западной Руси в середине XIV столетия они продолжали осуществлять контроль над Восточной Русью, хотя и в более мягкой форме, еще столетие. Это был период глубоких перемен во всем политическом и социальном устройстве страны, в особенности Восточной Руси. Прямо или косвенно монгольское нашествие способствовало падению политических институтов Киевского периода и росту абсолютизма и крепостничества [3. С. 5]. К середине XV в. великий князь московский получил независимость от хана фактически, а в 1480 г. – юридически. Как верно констатировал К. Маркс, «изумленная Европа, в начале правления Ивана едва знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязид, перед которым Европа

трепетала, впервые услышал высокомерную речь москoviта» [5. С. 3]. Возникает вопрос, что это и есть итог двух с половиной столетий «монгольского ига», о которых большинство историков повествовало как о времени полнейшего упадка Руси?

Чтобы понять последствия влияния монгольского владычества на русскую культуру, необходимо признать, что взгляд на Монгольскую державу как на государственное образование, обязанное своим возникновением и дальнейшим существованием грубой и необузданной силе многочисленной и дикой «орды», предводимой кровожадными деспотами, у которых единственным приемом управления покоренными народами был жесточайший террор, было глубоко ошибочным.

По убеждению Вернадского, «... проблема монгольского влияния на Русь многокомпонентна. Мы сталкиваемся здесь скорее с комплексом важных проблем, чем только с одним вопросом... Влияние монгольской модели на Московию дало свой полный эффект отложенного действия. Более того, в некоторых отношениях прямое татарское влияние на русскую жизнь скорее возросло, чем уменьшилось, после освобождения Руси» [3. С. 341–342]. Не было ни одной сколько-нибудь значительной области жизнедеятельности русского народа, которая не испытала этого влияния. Отметив это, можно полагать, что монгольское владычество в Восточной Руси способствовало (подобно наследию *Rex Romana* европейскому миру) не падению, а подъему культуры и государственности в сложившемся, во время «монгольского ига», Московском царстве.

С богатым наследством вступила Русь в эру Московского царства, которая, по мнению Вернадского, «была динамичным периодом, имевшим колоссальное значение для исторического развития русского народа. Это была эпоха основания и расширения Русской евразийской империи, острых интеллектуальных, политических, социальных и международных конфликтов, высоких идеалов и мрачных реалий, гнетущих провалов и великих достижений» [6. С. 5].

На всех этапах своего исторического развития Россия была подвержена как восточным, так и западным культурным влияниям. В XVII столетии преобладающими стали западные влияния. После объединения Украины с Московией роль звена, передающего западные методы образования в Московию, играла Киевская академия (или Славяно-греко-латинская академия). В самой Москве важным каналом проникновения западных идей был Посольский приказ. Высший слой московского общества – царь и бояре – постепенно ассимилировал западный стиль жизни и развлечений, а постоянный приток западных специалистов, армейских офицеров, промышленников и техников существенно влиял на экономическое развитие России и модернизацию ее армии [6. С. 6].

Культурные взаимовлияния сначала с Востока (период монгольского владычества), а затем с Запада (начиная с Московского царства) Г.В. Вернадский определял тремя основными факторами в истории, которые присущи каждой нации. Такими факторами в истории нации являются: ее жизненная творческая энергия, географическое окружение (пространственная координата), темп развития на протяжении последовательных периодов ее эво-

люции (временная координата). Изменение факторов естественным образом влечет за собой изменение положения нации в системе географических и временных координат. «Географическое окружение может измениться – сжаться или расшириться в зависимости от движения населения и изменения политических границ. Нация может расшириться, поглощая новые этнические элементы и дополнительную территорию, или же уменьшиться, теряя часть своего первоначального населения и территории политически и культурно в пользу соседствующей с ней нации» [7. С. 251].

Таким образом, согласно концепции Г.В. Вернадского, особенности цивилизационных процессов, шедших на обширных евразийских просторах России, можно свести к следующему: в чрезвычайно разнообразных природных условиях постепенно формировалось общее цивилизационное пространство, сохранявшее открытый характер и способность к переменам, усвоению новых ценностей, обогащению за счет социокультурного взаимодействия и взаимобмена между различными этническими элементами.

Обратимся теперь к отечественному историческому опыту. Для формирования характера российской цивилизации принципиальное значение имело то обстоятельство, что, в отличие от западноевропейской, отечественная культура являлась периферийной уже по своему генезису, т.е. не была прямо связана с наследием древних, античных цивилизаций. При этом с ходом истории периферийность России (и по отношению к Западу, и по отношению к Востоку) не уменьшалась, а нарастала. Идеологически ориентированная на православный Константинополь, Киевская Русь в X–XII вв. находилась на периферии клонившегося к закату византийского мира. Она была отделена от него морем и труднопроходимыми степями, населенными кочевниками. Северо-Восточная Русь (а потом Московия), избравшая в XIII в. ассимилятивный союз с Ордой и противостояние Западу, полностью отключилась от контактов с Европой. Между тем именно в эту эпоху происходило становление российской цивилизации, и Русь остро нуждалась в постоянном пополнении цивилизационного ресурса. В сложившейся ситуации единственным источником этого ресурса была Золотая Орда. Политическая и административная культура, широкие пласты ментальности, элементы образа жизни, сумма военных технологий – все эти восточные элементы вошли в становящуюся русскую культуру, рождая синтез, который позднее исследователи опишут как евразийский. Цивилизационный генезис русской этнокультурной общности объединил исходный славянский и финно-угорский, позднее византийско-православный и ордынский компоненты. Опыт восточных деспотий пришел в Россию в формах, опосредованных Ордой, восточно-средиземноморская культура – в классических формах Византии.

В целом необходимо отметить взвешенное отношение Г.В. Вернадского к монголо-татарскому «игу» и тому «татарскому импульсу», который оно дало Руси не только в области демографии, но и в сфере культуры и государственности. При этом ученый не упускает из виду, что именно монголы уничтожили на Руси демократические вечевые начала (к середине XIV в. вече было практически ликвидировано во всех русских землях, за исключением Новгорода и Пскова) и отрезали Россию от Европы и протекавших в европейской культуре процессов. «Иго»

оказало негативное влияние на русскую государственность, способствуя ее эволюции в направлении к деспотизму. При этом кажется очевидным, что татарское вла-

дычество, необходимость кланяться чуждой власти или гнуться перед ней и хитрить оказали вредное влияние на моральные качества русского человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. Вып. 1.
2. *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. СПб., 2000.
3. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь; Москва, 2001.
4. *Вернадский Г.В.* Монгольское иго в русской истории // Наш современник. 1992. № 3.
5. *Маркс К.* Разоблачение дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 4.
6. *Вернадский Г.В.* Московское царство. Тверь; Москва, 1997. Ч. 1.
7. *Вернадский Г.В.* Московское царство. Тверь; Москва, 1997. Ч. 2.

Статья представлена кафедрой истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 30 ноября 2004 г.